

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65
EDN: SXALOH

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН? ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ¹

Козырева П. М.^{1,2*}, Смирнов А. И.¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
(109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, корпус 1)

²НИУ «Высшая школа экономики»
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: pkozyreva@isras.ru

Для цитирования:

Козырева П. М., Смирнов А. И. Кто в доме хозяин? Гендерные особенности принятия решений в современной российской семье // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51 – С. 53-65. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65; EDN: SXALOH

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «Высшая школа экономики» (RLMS-HSE) осуществлён динамический анализ представлений мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке и проживающих вместе без регистрации отношений, о своём влиянии на принятие решений в семье. Анализ охватывает 2006–2021 годы. Раскрываются современные тенденции изменения самооценок степени влияния респондентов на принятие решений в семье, роль различных факторов, определяющих формирование семейных решений. Показано, что сложившееся распределение власти между супругами при выработке решений в семье характеризуется высокой устойчивостью, но за завесой подобной стабильности нередко скрываются разнообразные и динамичные изменения частного порядка, подталкивающие к переосмыслению понимания механизма принятия таких решений. Поскольку процесс выработки семейных решений определяется возрастом, уровнем образования, наличием работы супругов, количеством детей в семье и другими обстоятельствами, влияние которых опосредуется гендерными особенностями, мужа и жёны воспринимают свою роль и влияние при принятии этих решений по-разному. Но в целом, жёны, продолжающие контролировать домашнюю сферу, заметно выше, чем их мужья оценивают свою влияние при принятии решений в семье. Хотя власть во многом определяет способность и возможность конкретного человека влиять на других людей и принимаемые ими решения, мужчины и женщины, состоящие в браке, редко связывают свою влияние при принятии решений в семье с обладанием властью как таковой. Но в то же время ощущение своей влияния в семье является важной детерминантой социального самочувствия супругов.

Ключевые слова: власть, влияние, гендерные различия, принятие решения, семья.

© Козырева П. М., Смирнов А. И., 2024.

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Одним из главных направлений эволюции российской семьи является её трансформация от традиционной семьи, где роли обычно распределяются в соответствии с укоренившимися патриархальными представлениями и гендерными стереотипами, к современной эгалитарной, где развиваются разнообразные формы семейных отношений, доминирует равенство прав и обязанностей супругов, равноправие мужа и жены в различных сферах семейной жизни. Этот переход, начало которому, как и во всех индустриально развитых странах, было обусловлено главным образом увеличением числа работающих женщин [1, с. 400], в нынешних условиях опирается на более прочный фундамент современных преобразований.

Несмотря на то, что традиционные взгляды на гендерные роли ещё укоренены в сознании россиян, происходит постепенное их размывание за счёт формирования многообразия моделей семьи и личных отношений [2]. Появление и распространение новых форм семейной жизни включает поступательное, хотя и не всегда последовательное, выравнивание позиций мужчин и женщин в вопросах семейной жизни, включая распределение ролей при принятии решений в семье.

Теоретическая и эмпирическая база исследования

Большинство решений в семье вырабатываются совместными усилиями или наблюдается доминирующее влияние разных членов семьи на их принятие. В связи с этим в научной литературе анализируются разнообразные модели принятия решений в семье. Например, экономисты рассматривают различные модели принятия экономических решений: от унитарных моделей, или моделей общих предпочтений, до разнообразных коллективных. Подробный анализ этих моделей, в том числе с точки зрения влияния отдельных членов домохозяйства на разные уровни решений и на различных стадиях жизненного цикла се-

мьи содержится в ряде работ российских учёных [3; 4].

Социологи подходят к рассмотрению этих проблем более широко, затрагивая весь спектр решений, которые принимаются в семье. При этом влияние членов семьи на принятие решений чаще всего анализируется исходя из сложившегося типа властных отношений в семье, главным образом распределения власти в супружеских парах. В основе различных концепций, объясняющих наличие определенных форм властных отношений в семье, чаще всего лежит ресурсный подход.

Первоначально при изучении механизма принятия семейных решений в понятие «ресурсы» вкладывались высокий доход, а также высокий образовательный и профессиональный статус [5; 6]. Но затем ряд учёных стали рассматривать супружескую власть как комплексное понятие, которое не может быть объяснено только экономическими факторами [7; 8]. В дальнейшем появилось немало работ, посвящённых обсуждению различных аспектов семейной власти, которые в той или иной мере затрагивают проблемы выработки решений в семье [9–15].

В России активное изучение данной проблематики началось в конце 1990-х — начале 2000-х годов. До этого понятие семейной власти очень редко упоминалось в социологических работах, наиболее употребляемым был термин «глава семьи» [16, с. 51–54]. В постсоветский период изучение механизма принятий семейных решений получило развитие в исследованиях лидерства в семье, которое рассматривается как ключевой параметр, определяющий ролевую структуру и функционирование семьи, формирующий отношения доминирования и подчинения, влияния и ответственности [17–19]. Понимание того, что определяет ту или иную позицию, какие функции приписываются таким ролям, как «глава семьи», «лидер», «кормилец», имеет определённое содержательное значение при анализе механизмов жизнедеятельности домохозяйства [20, с. 83].

В семье власть может быть сосредоточена в руках одного человека или распределена более или менее равномерно между членами семьи. В первом случае говорят об авторитарной системе отношений, во втором — об эгалитарной. Но в то же время многие исследования выявляют сложную структуру распределения отношений власти в российских семьях, наличие различных параметров, определяющих эти отношения [21]. Распределение власти между супругами и другими членами семьи характеризует то, насколько каждый из них отвечает за принятие и реализацию решений в различных сферах функционирования семьи [17]. Принятие решений в семье, в свою очередь, может быть объективным критерием главенства мужа или жены, что не исключает того, что принадлежность решающего голоса мужу или жене зависит от типа семьи. В эгалитарных семьях решения чаще принимаются супругами совместно, независимо от сферы жизнедеятельности. В традиционных семьях это касается преимущественно досуга. В финансовой и хозяйственной сферах чаще всего решение принимает жена [22]. Уже длительное время исследования фиксируют трансформацию традиционной семейной иерархии в России, которая сопровождается перераспределением власти в семье. Так, ещё в советские времена была обнаружена тенденция роста женского лидерства в семье и повышения роли женщины в принятии семейных решений [16, с. 51–53], что привело к ослаблению мужского доминирования в семье.

В исследованиях постсоветского периода при наличии указанных тенденций акценты стали расставляться по-иному. Они, в частности, показывают, что результатом постепенного ослабления роли мужчин при распределении власти в семье стало не столько укрепление женского лидерства, сколько то, что семья начала функционировать и развиваться в большей мере на основе равноправия супругов [23], более заметным стало упрочение эгалитарной модели в распределении домашних обязанностей и ресурсов домохозяйств, возобладание принципов гендерного равенства при рас-

пределении ролей в семье, в том числе при принятии и реализации семейных решений². Причём более широкое распространение эгалитарных представлений о распределении гендерных ролей в семье получило среди молодёжи по сравнению с остальными возрастными группами [24].

Результаты исследований свидетельствуют о продолжающейся трансформации взглядов россиян на гендерные роли в семье, что вызывает необходимость дальнейшего изучения характера и особенностей этих перемен. В настоящей работе предпринята попытка, опираясь на предыдущий опыт исследований, осуществить динамический анализ представлений мужчин и женщин, состоящих в официальном браке или проживающих вместе без оформления отношений, о степени своего влияния на принятие решений, касающихся различных сфер семейной жизни.

Оценочная шкала включала позиции: «очень сильно влияет», «влияете», «не влияет», «совсем не влияет». Самоопределение респондентов в социальном пространстве осуществлялось в трёх основных измерениях — по девятиступенчатым шкалам материального благосостояния (от 1 — «нищие» до 9 — «богатые»), власти (от 1 — «совсем бесправные» до 9 — «обладают большой властью») и уважения (от 1 — «совсем не уважают» до 9 — «очень уважают»). В ходе анализа рассматривались три иерархических уровня, объединяющие по три ступени: нижний, средний и верхний. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращённых ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

Информационную базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «Высшая школа экономики» (RLMS-HSE)»³. Анализ основывается на дан-

² Равенство в семье: от деклараций к реальности? // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (дата обращения: 30.07.2023).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) проводится НИУ «Выс-

ных двух волн мониторинга, включающих необходимые сведения: 15-я волна (осень 2006 г.) и 30-я волна (осень 2021 г.).

Оценка степени влияния на принятие семейных решений

Считается, что брак будет более успешным при условии, если максимум решений принимается совместно, и, следовательно, ответственность за их правильность принадлежит обоим супругам в равной мере. В таких семьях супруги в одинаковой степени обладают властью, что не позволяет ни одному из них занять лидирующую позицию. Подобные подходы более всего соответствуют современным реалиям, в которых развивается модель эгалитарной семьи. Вместе с тем, анализ данных RLMS-HSE вы-

шая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>).

явил существенные различия в оценках степени влияния супругов на принятие семейных решений.

Женщины, состоящие в зарегистрированном браке, продолжают контролировать домашнюю сферу и выше, чем мужчины, оценивают своё влияние на принятие большинства семейных решений (табл. 1). Особенно значительной оказывается их роль и ответственность, когда речь идёт о решениях, связанных с повседневными покупками продуктов питания, хозяйственных и других подобных товаров, воспитанием и образованием детей. Единственной сферой, где в настоящее время заметно некоторое преобладание мужчин, главным образом по доле лиц с очень сильным влиянием, оказываются решения о крупных покупках, хотя в 2006 г. здесь наблюдалась картина, близкая к гендерному паритету. При этом исследование не выявило каких-либо существенных изменений в оценках за анализируемый период.

Таблица 1

Позитивные оценки своего влияния на принятие решений в семье: мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном браке, % к кому это относится

Table 1

Positive assessments of their influence on decision-making in the family: men and women in a registered marriage, % to whom it applies

Сфера принятий решений	2006 г.				2021 г.			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Очень сильно влияет	Влияет						
О сбережениях, о том, куда и сколько денег вложить	19,4	66,1	31,3	62,5	21,9	65,0	27,3	64,8
О повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров	8,2	45,3	42,2	53,6	8,9	51,4	41,3	54,8
О крупных покупках – товарах длительного пользования, автомобиле	23,2	66,2	28,1	63,2	28,8	64,0	20,7	67,0
Об отношениях с родителями	–	–	–	–	13,4	58,5	18,2	62,4
Об образовании детей	14,2	62,5	27,8	61,5	14,4	63,9	27,3	60,1
О проведении семьёй свободного времени, выходных, отпуска	11,3	66,8	19,8	65,9	15,9	70,5	22,8	70,8

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Оценки и мужчин, и женщин, проживающих вместе без регистрации своих отношений, выглядят гораздо скромнее (табл. 2). В наибольшей мере этого относится к решениям, касающимся сбережений, отношений с родителями и образования детей. Подобные расхождения с различными вариациями можно объяснить тем, что многие мужчины и женщины, проживающие без

регистрации отношений, чаще, чем супруги, состоящие в официальном браке, принимают решения по тем или иным вопросам самостоятельно или пользуются определённым преимуществом при их принятии. Во многих таких семьях каждый партнёр по мере возможности старается оберегать свою автономию, не посягая на суверенитет другого.

Таблица 2

Позитивные оценки своего влияния на принятие решений в семье: мужчины и женщины, проживающие вместе без регистрации отношений, % к кому это относится

Table 2

Positive assessments of their influence on decision-making in the family: men and women living together without registering their relationships, % to whom it applies

Сфера принятий решений	2006 г.				2021 г.			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Очень сильно влияет	Влияет						
О сбережениях, о том, куда и сколько денег вложить	13,5	62,5	24,7	59,5	13,6	59,1	23,5	57,0
О повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров	4,7	45,4	35,9	55,3	9,0	48,6	35,4	55,6
О крупных покупках – товарах длительного пользования, автомобиле	17,2	63,6	24,5	57,3	18,2	66,2	19,7	59,3
Об отношениях с родителями	–	–	–	–	8,5	53,3	14,4	52,5
Об образовании детей	5,8	52,5	25,0	52,8	7,1	51,6	26,7	51,7
О проведении семьёй свободного времени, выходных, отпуска	8,8	62,3	14,9	65,7	10,1	66,5	22,2	66,7

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Но в целом преобладающими сегодня являются семьи, в которых супруги в большей мере ориентированы на обеспечение равенства полов или совместное обсуждение семейных решений, тогда как стремление обоих супругов избежать ответственности за принятие решений встречается не часто. Только от 7 до 20% мужчин и от 4 до 20% женщин полагают, что не влияют или совсем не влияют на принятие решений в своей семье. Кроме того, не более 5% муж-

чин и 4% женщин практически полностью отодвинуты или сами отстранились от выработки семейных решений. Подобная отстранённость может означать как максимум зависимости, так и максимум свободы; как максимум самостоятельности, так и максимум обособленности, уединённости. В остальных семьях, составляющих значительное большинство, решения вырабатываются совместными усилиями. Но при этом могут быть разные варианты участия

супругов в принятии решений, при которых семье удобнее функционировать. Классический вопрос о том, кто является главой семьи, сегодня заменяется вопросом, кто принимает основные решения в семейных делах [25, с. 125].

С возрастом участие в выработке семейных решений чаще всего снижается, но у мужчин и женщин эти изменения выглядят по-разному. Так, согласно результатам корреляционного анализа, в группе респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, значимые связи во всех рассматриваемых отношениях выявлены только у мужчин (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Наиболее тесные связи обнаружены между возрастом и оценками степени влияния мужчин на решения, касающиеся образования детей, проведения семьёй свободного времени, выходных и отпуска, крупных покупок и сбережений (коэффициент корреляции от 0,205 до 0,301). У женщин значимые связи обнаружены только в отношении решений об образовании детей (0,292) и проведения свободного времени (0,148). Что касается респондентов, которые живут вместе без регистрации отношений, то значимые связи выявлены у мужчин только в отношении решений, касающихся крупных покупок (0,147) и проведения свободного времени (0,133), тогда как у женщин — в отношении решений об образовании детей (0,232).

Наиболее высоко оценивают свою значимость при принятии решений в семейных делах женщины в возрасте от 30 до 60 лет. При этом женщины, независимо от формы семейно-брачных отношений, чаще полагают, что оказывают очень сильное влияние на решения о сбережениях, за исключением 18–29 летних. Если среди опрошенных женщин среднего и пожилого возраста таких около трети, то среди молодых — только одна из шести опрошенных. В свою очередь мужчины выше оценивают собственную весомость при принятии решений о крупных покупках в молодом и среднем возрасте, тогда как в пожилом возрасте эти оценки заметно падают. Доминирование женщин при принятии семейных решений

о повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров практически одинаково проявляется во всех возрастных когортах.

Исследование показало, что и мужчины, и женщины с более высоким образованием охотнее берут на себя ответственность при выработке семейных решений, чем менее образованные. Причём самые высокие оценки принадлежат женщинам с высшим образованием. Выше четверти женщин с высшим образованием, состоящих в официальном браке, оценивают своё влияние на принятие большинства решений как очень сильное, а в отношении решений о повседневных покупках эта доля превышает половину.

Согласно данным RLMS-HSE, уже в течение нескольких десятилетий охват женщин высшим образованием опережает соответствующие показатели для мужчин, и отмечается рост доли пар, в которых жена более образована, чем муж [26]. Наличие этих тенденций вкупе с тем, что женщинам с высшим образованием принадлежат самые высокие оценки своего влияния на принятие семейных решений, отчасти объясняет доминирование женщин в этой сфере распределения власти. Как справедливо подмечено, современная образованная и экономически самостоятельная женщина не может жить по домостроевским правилам [25, с. 125]. При этом семьи с высоким образованием обоих супругов чаще ориентированы на партнёрские отношения [27]. Анализ выявил незначительные различия в оценках степени своего влияния на принятие решений в семье между городскими и сельскими мужчинами, а также между городскими и сельскими женщинами. Можно только отметить, что мужчины и женщины, проживающие в региональных центрах, заметно чаще других характеризовали своё влияние как очень сильное, а также то, что оценки сельских мужчин оказались самыми низкими, лишь немногие из них оценили своё влияние как очень сильное.

Гораздо лучше прослеживается у мужчин и женщин зависимость ощущения своей значимости при выработке семейных ре-

шений от наличия работы, которая является главным источником финансовых и материальных ресурсов семьи. В большинстве случаев самые высокие оценки принадлежат работающим женщинам, состоящим в зарегистрированном браке, тогда как самые низкие — неработающим мужчинам, проживающим со своими партнёрами без регистрации отношений. Единственной сферой мужского доминирования являются решения о крупных покупках, которые принимаются мужчинами, состоящими в зарегистрированном браке (очень сильно влияют — 32%; влияют — 64%). Позитивные оценки у них встречаются в полтора раза чаще, чем у неработающих и не зарегистрировавших свои отношения мужчин (соответственно 12 и 53,5%) и женщин (12 и 55%). Вместе с тем зависимость этой оценки от размера заработка на основной работе оказалось слабой.

Но в то же время мужчины и, ещё в большей степени, женщины, которые стараются при любой возможности делать сбережения, копить деньги, считающие, что нужно иметь деньги на «чёрный день», т.е. отличающиеся повышенной финансовой ответственностью, выше оценивают своё влияние на принятие семейных решений, касающихся сбережений, приобретения товаров длительного пользования, повседневных покупок и организации семейного отдыха. Среди зарегистрировавших свой брак мужчины и женщины, которые полностью согласны с соответствующими утверждениями, по сравнению с совсем несогласными доля лиц с самой высокой самооценкой в указанных сферах принятия решений вырастает в 2,5–3 раза.

Зависимость ощущения собственного влияния при формировании семейных решений от наличия и количества детей у мужчин и женщин более или менее чётко проявляется только в сфере, касающихся образования детей. Доля лиц, позитивно оценивающих своё влияние на принятие таких решений, повышается при увеличении количества детей от 1–2-х до 3-х и более у мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, с 74,5 до 86%, тогда как у жен-

щин — с 85 до 92%. Иначе выглядит картина в группе не зарегистрировавших свои отношения. Более половины таких пар имеют только одного ребёнка, тогда как среди аналогичных супружеских пар с зарегистрированными отношениями таких только около трети, а остальные имеют двух и более детей. Среди таких мужчин доля полагающих, что они в той или иной мере оказывают влияние на принятие решений об образовании детей, составила 63%, тогда как среди женщин — 81%. Когда речь идёт только о детях младше 18 лет, то позитивные оценки вырастают до 94–96%.

Чем интенсивнее забота респондентов о своих детях, тем выше активность их участия в принятии соответствующих решений. В группе зарегистрировавших брак доля респондентов, позитивно оценивающих своё влияние на принятие решений об образовании детей, нарастает с 71% среди женщин, которые практически не занимаются уходом за своими детьми, до 92% среди тех, кто ухаживает каждый день. В отношении мужчин данный рост составил соответственно с 60 до 91%. Ещё более значительным оказался этот рост в группе респондентов, которые живут без регистрации отношений (женщины — с 55 до 94%; мужчины — с 46 до 77,5%). Менее тесной является связь между частотой, с которой респонденты ухаживают за пожилыми родственниками, и степенью их влияния на принятие решений, затрагивающих отношения с родителями.

Ощущение обладания властью и оценка влияния на принятие семейных решений

Состоящие в браке женщины заметно выше, чем мужчины оценивают своё участие в выработке большинства решений в семье, но в то же время они немного, но уступают мужчинам по самооценкам своего властного статуса (табл. 3). Самые большие различия наблюдаются в молодом возрасте.

Связи между оценками степени влияния респондентов на принятие семейных решений и самооценками властного стату-

Таблица 3

**Зависимость самооценки положения на шкале власти
от формы семейно-брачных отношений**

Table 3

Dependence of self-assessment of the position on the power scale
on the form of family and marriage relations

Форма семейно-брачных отношений	2006 г.						2021 г.					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Мужчины												
Состоят в зарегистрированном браке	47,8	47,2	5,0	3,66	1,679	2207	35,4	53,4	11,2	4,31	1,736	2231
Проживают вместе, но не зарегистрированы	57,8	37,6	4,6	3,36	1,632	368	43,0	49,6	7,4	3,93	1,707	475
Женщины												
Состоят в зарегистрированном браке	48,7	47,7	3,6	3,59	1,603	1998	35,6	54,5	9,9	4,23	1,683	2224
Проживают вместе, но не зарегистрированы	53,3	41,9	4,8	3,45	1,605	358	43,5	50,8	5,7	3,81	1,641	487

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

са очень слабые. Во всех рассматриваемых отношениях значимые связи были обнаружены только у мужчин. В 2021 г. показатели корреляции здесь составили от 0,112 до 0,142. Что касается женщин, то у них хотя и значимые, но ещё менее тесные связи выявлены в двух из шести рассматриваемых отношениях. Но сопоставимым по значимости оказался только показатель взаимосвязи между оценками своего влияния на принятие решений о проведении свободного времени семьёй и самооценками властного статуса. Показатели связи между оценками влияния респондентов обоего пола на принятие решений в семье и самооценками положения на шкалах материального благосостояния и уважения оказались гораздо слабее.

То, что ощущение власти повышает оценку влияния на принятие семейных решений, которое довольно чётко проявляется только у мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, находит выражение главным образом в росте доли лиц, оценивающих это влияние как «очень сильное» и сокращении доли тех, кто полагает, что

«не влияет» на принятие таких решений. В этом случае при последовательном переходе от группы респондентов, занимающих три нижние ступени на шкале власти, к группе респондентов, занимающих три верхние ступени, рост доли самых высоких оценок влияния на различные семейные решения составляет от 1,5 до 2,5 раз.

Оценка своего влияния на принятие семейных решений является одним важных критериев супружеской власти. Но, как показывает исследование, многие россияне, в большинстве своём женщины, не связывают свою влиятельность при принятии семейных решений с обладанием властью, а супружеская власть не воспринимается ими как собственно «власть». Под семейной властью «принято понимать способность одного члена семьи изменять поведение или влиять на поведение других членов» [23, с. 190]. Однако в обыденных представлениях россиян обладание властью в большей степени отождествляется с могуществом, силой, способностью влиять на «других», не распространяя это на «своих». Говоря о супружеской власти, супруги чаще предпочи-

тают акцентировать внимание не на таких характеристиках, приписываемых власти, как её способность управлять, контролировать, оказывать давление, добиваться подчинения и послушания, а на обеспечении равноправия супругов, равном распределении ответственности. Даже большинство из тех, кто настойчиво подчёркивает особую роль и ответственность женщины в семье, в то же время убеждены в необходимости поддержания высокого уровня равенства или сотрудничества при выработке семейных решений. Ассоциации к «принятию семейных решений» у супругов чаще согласуются с категориями, относящимися не к власти как возможности навязывать свою волю, а к равенству и справедливости.

Ощущение собственной влиятельности при принятии семейных решений является одной из детерминант социального самочувствия. Анализ показал, что нарастание оценки своего влияния на принятие решений в семье заметно повышает удовлетворённость жизнью как у мужчин, так и у женщин. Наиболее значительным этот рост оказался в сфере принятия решений о сбережениях, а наименьшим — решений, касающихся крупных покупок и образования детей. Так, в 2021 г. в группе респондентов, зарегистрировавших свой брак, доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью в целом, увеличилась с 43% среди мужчин, которые не замечают своего влияния на решения о сбережениях, до 62% среди тех, кто считает это влияние очень сильным. Среди женщин, состоящих в зарегистрированном браке, анало-

гичный рост составил с 45 до 62%. В отношении принятия решений об образовании детей такое повышение составило у мужчин с 36 до 44%; у женщин — с 35 до 40%. И в то же время имеется и более существенное отличие. Оказалось, что удовлетворённость жизнью женщин, состоящих как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке, практически не зависит от оценки своего влияния на решения о крупных покупках.

***

Исследование показало, что современные тенденции изменения влиятельности супругов при принятии семейных решений не отличаются динамичностью. Несмотря на возросшее семейное разнообразие, доминирующими на сегодня являются эгалитарные и партнерские механизмы принятия решений, касающихся семейных дел. Но при сохранении приверженности к равноправию, вовлечённость продолжающих контролировать домашнюю сферу женщин в выработку решений, особенно затрагивающих бюджетную и хозяйственно-бытовую сферы семьи, оказывается намного выше, чем вовлечённость мужчин. В обыденных представлениях мужчин и женщин, состоящих в браке, способность влиять на решения, принимаемые в семье, не отождествляется с обладанием властью как таковой. При этом самооценка влиятельности определяется в большей мере исходя из представлений о равенстве прав и справедливости, чем о власти как таковой.

Литература и Интернет-источники

1. **Смелзер, Н.** Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер. — Москва : Феникс, 1994. — 688 с.
2. **Лежнина, Ю. П.** Трансформация гендерных ролей в современной России / Ю. П. Лежнина // Общественные науки и современность. — 2013. — № 4. — С. 165–176. EDN: QZHSFD
3. **Попова, Д. О.** Теоретические модели принятия решений в домохозяйствах / Д. О. Попова, О. В. Синявская // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. — 2011. — № 14. — С. 121–142.
4. **Левин, М. И.** Экономика семьи, принятие решений домохозяйствами / М. И. Левин, К. А. Матророва // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. — 2017. — № 3. — С. 168–171. EDN: VRUWPR
5. **Blood, R.** Husbands and Wives: the dynamics of married living / R. Blood, D. Wolfe. — Glencoe, Ill : Free Press, 1960. — 293 p.

6. **Heer, D. M.** The Measurement and Bases of Family Power: An Overview / D. M. Heer // Marriage and Family Living. — 1963. — Vol. 25. — No. 2. — P. 133–139.
7. **Rodman, H.** Marital Power in France, Greece, Yugoslavia and the United States: A Cross-National Discussion / H. Rodman // Journal of Marriage and the Family. — 1967. — Vol. 29. — No. 2. — P. 320–324.
8. **Safilios-Rothschild, C.** The study of family power structure: A review 1960–1969 / C. Safilios-Rothschild // Journal of Marriage and the Family. — 1970. — Vol. 32. — No. 4. — P. 539–552.
9. **Hadley, T.** The Measurement of Family Power: A Methodological Study / T. Hadley, T. Jacob // Sociometry. — 1976. — Vol. 39. — No. 4. P. — 384–395.
10. **Falbo, T.** Power strategies in intimate relationships / T. Falbo, L. A. Peplau // Journal of Personality and Social Psychology. — 1980. — No. 38(4). — P. 618–628.
11. **Szinovacz, M. E.** Changing family roles and interactions / M. E. Szinovacz // Marriage and Family Review. — 1984. — No. 7(3–4). — P. 163–201.
12. **Lee, Ch.** Family structure and Influence in family Decision Making / Ch. Lee, S. Beatty // Journal of Consumer Marketing. — 2002. — Vol. 19. — № 1. — P. 24–41. DOI: 10.1108/07363760210414934; EDN: EAPNLT
13. **Esping-Andersen, G.** The incomplete revolution: Adapting to women's new roles / G. Esping-Andersen. — Cambridge : Polity Press. — 2009. — 214 p.
14. **Thomas, P. A.** Family Relationships And Well-being / P. A. Thomas, Liu Hui, D. Umberson // Innovation in Aging. — 2017. — No. 1(3). — P: 1–11. DOI: 10.1093/geroni/igx025
15. **Crapo, J. S.** Multidimensional Family Development Theory: A Reconceptualization of Family Development Theory / J. S. Crapo, K. Bradford // Journal of Family Theory and Research. — April 2021. — Vol. 13. — No. 2. — P. 202–223.
16. **Гурко, Т. А.** Отношения мужчин и женщин в браке / Т. А. Гурко, П. Босс // Семья на пороге третьего тысячелетия. — Москва : Центр общечеловеческих ценностей, 1995. — С. 35–70. EDN: YJRGDF
17. **Крюкова, Т. Л.** Лидерство и социальная власть как факторы групповой динамики семьи / Т. Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — Т. 17. — № 4. — С. 193–198.
18. **Чирикова, А. Е.** Женское лидерство и семейные роли: социологический анализ / А. Е. Чирикова // Россия и современный мир. — 2011. — № 1. — С. 149–162. EDN: NEDGBH
19. **Кучмаева, О. В.** Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность / О. В. Кучмаева // Культурное наследие России. — 2016. — № 2. — С. 66–72. EDN: WCGFXV
20. **Козина, И. М.** Что определяет статус «кормильца» семьи? / И. М. Козина // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 83–89.
21. **Трубицына, Л. В.** Феномен распределения власти в семье (в отношениях между супругами) / Л. В. Трубицына, М. С. Лазебная // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — № 5. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN522.pdf> (дата обращения: 28.07.2023). EDN: PCKPLH
22. **Арутюнян, М. Ю.** Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами / М. Ю. Арутюнян // Семья и социальная структура: сб. статей / под ред. М. С. Мацковского и др. — Москва : ИСИ, 1987. — С. 53–70.
23. **Бадонов, А. М.** Проблема формирования властных отношений в семье / А. М. Бадонов // Власть. — 2023. — № 2. — С. 188–193. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9559; EDN: NNLJBY
24. **Ефанова, О. А.** Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений / О. А. Ефанова, М. П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3; EDN: VTKOQO
25. **Голод, С. И.** Современные немоногамные модели семьи / С. И. Голод // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. — С. 111–126.

26. **Зинченко, Д. И.** Ассортативность браков по уровню образования: изменения в связи с экспансией высшего образования в России / Д. И. Зинченко // Демографическое обозрение. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 81–105. DOI: 10.17323/demreview.v8i4.13877; EDN: XCZVXH
27. **Дорошина, И. Г.** Исследование особенностей супружеских отношений в семьях с разным уровнем образования / И. Г. Дорошина // Сибирский психологический журнал. — 2010. — № 37. — С. 96–99. EDN: NEDEXR

Сведения об авторах:

Козырева Полина Михайловна, д.соц.н., первый заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН; зав. Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: pkozyreva@isras.ru; ORCID: 0000-0002-3034-8521; РИНЦ AuthorID: 346897.

Смирнов Александр Ильич, д.соц.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: smir_al@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7078-6203; РИНЦ AuthorID: 678594.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65

WHO IS THE HEAD IN THIS HOUSE? GENDER FEATURES OF DECISION-MAKING IN MODERN RUSSIAN FAMILY

Polina M. Kozyreva^{1,2*}, Alexander I. Smirnov¹

¹*Institute of Sociology of the FCTAS RAS
(5, korp.1 Bolshaya Andronievskaya str, Moscow, Russia, 109544)*

²*Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000).*

*E-mail: pkozyreva@isras.ru

For citation:

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Смирнов А. И. Who is the head in this house? Gender features of decision-making in modern Russian family. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 53-65. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65 (in Russ.)

Abstract. *On the basis of the data from the «Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS HSE)» a dynamic analysis of the perceptions of men and women about their influence on decision-making in the family was carried out. The analysis covers 2006–2021. There are examined modern trends in the change in self-assessments of the degree of influence on decision-making in the family, as well as the role of various factors that determine formation of family decisions. It is shown that the existing distribution of power between spouses in making decisions in the family is characterized by a fairly high stability, but behind the veil of such stability, various and quite dynamic changes of a particular order are often hidden, prompting a rethinking of the understanding of the very mechanism for making such decisions. Since the process of family decision-making is determined by age, level of education, a spouse's job, the number of children in the family, and other circumstances, the influence of which is mediated by gender specifics, husbands and wives perceive their role and influence in making these decisions differently. But in general, wives who continue controlling the domestic sphere are assessing their influence in making decisions in the family noticeably higher than their husbands. Although power largely determines the ability of a particular person to influence other people and the decisions they make, married men and women rarely associate their influence in family decision-making with*

the possession of power as such. But at the same time, feeling of being influential in the family is an important determinant of the social well-being of spouses.

Keywords: power, influence, gender differences, decision-making, family.

References and Internet sources

1. Smelser N. Sotsiologiya [Sociology]. Transl. from English. Moscow. Phoenix. 1994. 688 p. (in Russ.)
2. Lezhnina Yu. P. Transformatsiya gendernykh roley v sovremennoy Rossii [Transformation of gender roles in modern Russia]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. 2013. No. 4. P. 165–176. (in Russ.)
3. Popova D. O., Sinyavskaya O. V. Teoreticheskiye modeli prinyatiya resheniy v domokhozyaystvakh [Theoretical models of decision-making in households]. SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews]. 2011. No. 14. P. 121–142. (in Russ.)
4. Levin M. I., Matrosova K. A. Ekonomika sem'i, prinyatiye resheniy domokhozyaystvami [Family economics, decision-making by households]. Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management]. 2017. No. 3. P. 168–171. (in Russ.)
5. Blood R., Wolfe D. *Husbands and Wives: the Dynamics of Married Living*. Glencoe, Ill. Free Press. 1960. 293 p.
6. Heer D. M. The measurement and bases of family power: an overview. *Marriage and Family Living*. 1963. Vol. 25. No. 2. P. 133–139.
7. Rodman H. Marital power in France, Greece, Yugoslavia and the United States: A cross-national discussion. *Journal of Marriage and the Family*. 1967. Vol. 29. No 2. P. 320–324.
8. Safilios-Rothschild C. The study of family power structure: A review 1960–1969. *Journal of Marriage and the Family*. 1970. Vol. 32. No 4. Decade Review. Part 1. P. 539–552.
9. Hadley T., Jacob T. The measurement of family power: A methodological study. *Sociometry*. 1976. Vol. 39. No. 4. P. 384–395.
10. Falbo T., Peplau L. A. Power strategies in intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. No. 38(4). P. 618–628.
11. Szinovacz M. E. Changing family roles and interactions. *Marriage and Family Review*. 1984. No. 7(3–4). P. 163–201.
12. Lee Ch., Beatty S. Family structure and Influence in family Decision Making. *Journal of Consumer Marketing*. 2002. Vol. 19. No 1. P. 24–41.
13. Esping-Andersen G. *The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles*. Cambridge. Polity Press. 2009. 214 p.
14. Thomas P. A., Hui L., Umberson D. Family relationships and well-being. *Innovation in Aging*. 2017. No. 1(3). P. 1–11. DOI: 10.1093/geroni/igx025
15. Crapo J. S., Bradford K. Multidimensional family development theory: A reconceptualization of family development theory. *Journal of Family Theory and Research*. April 2021. Vol. 13. No. 2. P. 202–223.
16. Gurko T. A., Boss P. Otnosheniya muzhchin i zhenshchin v brake [Relationships between men and women in marriage]. Sem'ya na poroge tret'yego tysyacheletiya [Family on the Threshold of the Third Millennium]. Moscow. Tsentri obshchechelovecheskikh tsennostey [Center of Universal Values]. 1995. P. 35–70. (in Russ.)
17. Kryukova T. L. Liderstvo i sotsial'naya vlast' kak faktory gruppovoy dinamiki sem'i [Leadership and social power as factors of group dynamics of the family]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University]. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 193–198. (in Russ.)
18. Chirikova A. E. Zhenskoye liderstvo i semeynyye roli: sotsiologicheskiy analiz [Female leadership and family roles: a sociological analysis]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2011. No. 1. P. 149–162. (in Russ.)

19. Kuchmaeva O. V. Semeynnye roli v sovremennoy rossiyskoy sem'ye: traditsii i sovremennost [Family roles in modern in Russian family: traditions and modernity]. *Kul'turnoye naslediyе Rossii [Cultural Heritage of Russia]*. 2016. No. 2. P. 66–72. (in Russ.)
20. Kozina I. M. Chto opredelyayet status «kormil'tsa» sem'i? [What determines the status of the «breadwinner» of the family?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2000. No. 11. P. 83–89. (in Russ.)
21. Trubitsyna L. V., Lazebnaya M. S. Fenomen raspredeleniya vlasti v sem'ye (v otnosheniyakh mezhdru suprugami) [The phenomenon of distribution of power in the family (in relations between spouses)]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]*. Vol. 10. No. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN522.pdf> (Accessed: 28 July 2023). (in Russ.)
22. Arutyunyan M. Yu. Raspredeleniye obyazannostey v sem'ye i otnosheniya mezhdru suprugami [Distribution of duties in family and relations between spouses]. *Sem'ya i sotsial'naya struktura [Family and Social Structure]*. Ed. M. S. Matskovsky. Moscow. 1987. P. 53–70. (in Russ.)
23. Badonov A. M. Problema formirovaniya vlastnykh otnosheniy v sem'ye [The problem of the formation of power relations in the family]. *Vlast [The Authority]*. 2023. No. 2. P. 188–193. (in Russ.)
24. Efanova O. A., Pisklakova-Parker M. P. Sovremennaya rossiyskaya sem'ya v usloviyakh izmeneniya gendernykh otnosheniy [Modern Russian family under the conditions of changing gender relations]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3 (in Russ.)
25. Golod S. I. Sovremennyye nemonogamnyye modeli sem'i [Modern non-monogamy models of family]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodn'ya. Sbornik nauchnykh trudov Sotsiologicheskogo instituta RAN [St. Petersburg Sociology Today. Collection of scientific works of the Sociological Institute RAS]*. St. Petersburg. 2010. P. 111–126. (in Russ.)
26. Zinchenko D. I. Assortativnost' brakov po urovnyu obrazovaniya: izmeneniya v svyazi s ekspansiyey vysshego obrazovaniya v Rossii [The expansion of higher education and its impact on patterns of union formation and assortative mating: evidence from Russia]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 81–105. DOI: 10.17323/demreview.v8i4.13877 (in Russ.)
27. Doroshina I. G. Issledovaniye osobennostey supruzheskikh otnosheniy v sem'yakh s raznym urovнем obrazovaniya [Research of features of matrimonial attitudes in families with different educational level]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*. 2010. No. 37. P. 96–99. (in Russ.)

Information about the authors:

Kozyreva Polina Mikhailovna, Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology of the FCTAS RAS; Head, Centre for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: pkozyreva@isras.ru; ORCID: 0000-0002-3034-8521; Elibrary AuthorID: 346897.

Smirnov Alexander Il'yich, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: smir_al@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7078-6203; Elibrary AuthorID: 678594.

Статья поступила в редакцию 06.09.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.